

18+

Олег Жуков

ОНА.puzzles

реквием

Олег Ваничкович Жуков

ОНА.puzzles

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649807

SelfPub; 2019

Аннотация

Порой мы проходим мимо друг друга, даже не зацепившись взглядом, а после просыпаемся среди ночи и напряжённо изучаем темноту, пытаясь понять – тот ли человек лежит рядом в постели? Этого ли человека искал из жизни в жизнь, от времени до времени...

Содержание

Проходной Двор	5
Лампочка	15
Странник	21
В грозу посреди Шаболовки	24
Последний Лес	34
Начало	46
BMW 3 серии масштаб 1/43	51
Люблю Тебя	62
При своих	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Памяти Моей Жены Марины посвящается...

«Главную заповедь даю вам —

Любите друг друга»

Иисус Христос

«Любовь – не свод законов.

Это не то, как выглядят отношения с виду, это не «идеальная пара».

Это внутренняя отвага, такая, которую мы не познаем ни в чем другом.

Духовная отвага.

Это бытие вместе, когда вас не связывает ничто, кроме сделанного выбора.

И это далеко не так просто, как это звучит...»

Изнутри

Александра Мур

Проходной Двор

Они проходят через меня как через проходной двор, простучав каблучками, стук которых эхом отражается от стен и еще какое-то время стоит в ушах колокольным звоном

Или звоном колокольчиков

Зависит от легкости походки

Наверное

Не знаю

Проходят и все

Неожиданно всплывают длинными тенями, ломающимися по периметру арки, легкое платье, сброшенные у постели туфли и жадные поцелуи

Мы оба знаем, что продолжения не будет, а, значит, нечего стесняться и надо получить всё, пока эта ночь держит нас вместе

Ночь – перекресток, на котором пересеклись наши пути, но у каждого своя дорога и никто из нас не хочет менять свое направление в принципе: ни ты за ней, ни она за тобой не поворачиваем

Мы вместе пока горит красный сигнал светофора – минуту или ночь – на желтый оденемся, выпьем вместе кофе, а на зеленый – последний поцелуй в щеку: «Всё было здорово! Увидимся...»

Конечно

Конечно же

Конечно же – нет

Впрочем, как знать...

Порой, кто-то пытается закрыть ворота с двух сторон и превратить проходной двор в уютную гостиную

Приходят, располагаются, осматриваются, топят камин, разглядывают висящие на стене картины, перебирают потрепанные корешки стоящих на полках книг, включают и выключают свет, наливают себе выпивку в баре, нет-нет что-то готовят и кормят, стараясь удивить своими кулинарными изысками, передвигаются уже в своих домашних тапочках с пушистыми бумбонами на носках, у меня самого появляются тапочки с очаровательной мордой поросенка-мишки-песика и фланелевая пижама, разукрашенная сюжетами из кама-сутры, типа, чтобы не забыл; и уже не бросишь пустую бутылку из-под пива рядом с диваном, и курить теперь только на балконе, а в ванной весь прайс-лист из Л'Этуаль, и на выходные будут гости, так что – брейся; и вот уже какие-то чужие люди перелистывают семейный фотоальбом и перебирают диски с видеоиграми, и они, в принципе, милые даже люди, поэтому можно спокойно выпить, а утром с похмелья видишь на столе записку: «Подонок!», пустой гардероб и в телефоне смс от её подруги: «Все было здорово! Увидимся...»

Конечно

Конечно же – нет...

Опять нараспашку ворота и длинные серые вечера, разбавленные дешевым коньяком, магазинными пельменями «По-домашнему», X-box да пара «косяков» под аккомпанемент дождя

Почему-то всегда, именно в этот момент, идет дождь

Ты снова «проходной двор» с то и дело ломающимися об углы длинными тенями, пока кто-то вновь не растопит камин и не заберется на колени – «Согрей...»

Тепло и аромат желанного тела и уже ищешь рядом с кроватью розовые тапочки с пушистыми бумбонами на носках

Шум «проходного двора» стихает – это опять уютная «гостиная» с тяжелыми гардинами на окнах

Она их не одергивает

Она вообще больше любит, свернувшись калачиком, смотреть на тлеющие деревяшки в камине

По моей душе она передвигается босиком, накинув на голое тело мою рубашку, все время увлекая куда-то за собой

И, кажется, что это отдельный мир между землей и небом, между светом и тьмой, не имеющий ни входа, ни выхода, ни понятия о том «который сейчас час?»

Но проблема в том, что, если ты и забудешь об окружающем мире, то окружающий мир не забудет про тебя и нагло ворвется в некогда уютную гостиную, где совсем недавно ка-

кое-то подобие ангела разглядывало картины на стене, зажигая спички, боясь потревожить разум и чувства, потому что хрупко все и на хрустальных ножках, но – мир! – чудовище, окружившее нас, бесцеремонно врывается и пугает это милое создание так, что оно тут же исчезает, словно была фантазией или сном

Петли сорваны и вновь гуляет ветер во дворе, хлопают двери подъездов, на детской площадке отцы пьют портвейн, фонят женские голоса и длинные тени ломаются о постель

Мне все равно, и я даже не пытаюсь оплатить телефон и интернет

И так продолжается до тех пор, пока чей-то звонкий голос не крикнет из кухни: «О-о-о... да у тебя даже сахара нет!»

Действительно, незадача – с чем же тогда пить кофе?
«Кстати, кофе тоже нет!»

Пока думаешь над сложившимся ребусом, чиркает зажигалка и в камине появляется огонь, а, спустя пару минут, словно по приказу, появляются чай-кофе-сахар-круасаны-йогурт-фрукты-овощи-роллы-фритюрница, пыль протерта, рубашки выглажены, вместо пошлых тапочек adidasовские сланцы, беговая дорожка и теннисная ракетка в прихожей, в холодильнике сок, картины в рамы с подсветкой, друзей нет – одни деловые партнеры, встречи в бизнес-центре, галстук обязателен, фитнес-клуб, тело упру-

го как оранжевый баскетбольный мяч, лицо умыли и вытерли, волосы уложил, если не Зверев, то кто-то из его учеников; помимо прочего, с маникюром, пригодным для потребления суши, она запросто может поменять колесо в своей МЗ; себя чувствуешь уже не секс-машиной – скорее игрушкой из интим-магазина, особенно когда это тело из-под длинных (Lancôme) ресниц пускает полный нежности недвусмысленный взгляд и предлагает себя прямо тут в офисе, на длинном столе из красного дерева, за которым еще минут 15 назад какие-то умные дядьки обсуждали последние данные фьючерсного рынка

И ты, в принципе, ведёшься на все эти презентации и лейблы, но одна мысль особенно не дает покоя: откуда она и как она вообще забрела в мой «двор»?!

На какой такой вечеринке мы могли познакомиться, если она в рот не берет спиртного и постоянно выкидывает мои сигареты?!

Никто из бывших друзей (да-да, к тому времени они становятся бывшими) её раньше никогда не видел, не слышал и не знал, что такие вообще существуют

И можно было бы решить, что это очередной глюк, если бы не полный запрет на всякую психотропную дребедень, в общем, и на видеоигры, в частности

И тогда наступает очередной кризис, не вписывающийся в рамки её dress code

И вот опять: кофе нет, сахара нет, вставать некуда, кредитки аннулированы, ракетка сломана, кроссовки выброшены, шторы опущены, в холодильнике пиво, X-box протерт от пыли, "косяки" забиты, дружки рядом, женские лица меняются как в калейдоскопе, в-общем – проходной двор!

И уже плевать на всю эту кутерьму – ты фатален и циничен, не в силах что-либо менять, да и не имея, признаться, такого желания

Крыша сорвана, стен нет, дождь льет прямо на постель, луна спряталась, звезды потухли, солнце не включается – двор!

Проходной двор в городе, где никто не живёт и лишь телефонные номера, оставленные губной помадой на зеркалах, напоминают о том, что здесь кто-то был...

Кто-то был...

Но – кто?!

Цифры бордовым упреком нависают на твоём отражении, потому что, если они написаны, значит, в них зашифрована чья-то надежда, хотя – на что?

И кто они?

Я, сам-то – кто?!

Смотрю в зеркало и говорю себе: «Ты»

Смотрю на себя со стороны и не вижу

Ищу и не нахожу

Говорю себе что-то и не слышу

Порой хочется стать целым, но не хочется заниматься

сборкой – зачем?

Начинаешь искать смысл, раскладывать по полочкам, разбирать по деталям, по винтикам, по шурупчикам

Разобрал, разложил в кухне на клеенке, протер спиртом, рассмотрел подробно под лупой, покурил, удивленно поводил бровями, потом смел все это богатство в мусорное ведро и устроил вечеринку

Но однажды...

Однажды я проснусь...

Она сидит рядом

Полный нежности взгляд

Улыбка, лишь коснувшаяся уголков рта...

По телу пробегает легкая дрожь...

– Ты замёрз? Надо затопить камин.

Легко сказать – затопить...

Затопить там, где искры последний раз появлялись лишь от разбившихся об кирпич окурков, метко брошенных нетвердой рукой;

там, где давно ветер золу развеял по окрестностям;

там, где даже снеговики уже не тают...

Но она подула в камин и в нем весело заиграли языки пламени, согревая просыревшую от беспечной независимости комнату

Из-за шторы пробился солнечный луч

Стало снова уютно

– Кто ты? – спрашиваю ее

Она касается пальцами моего лица

– Я та, кто останется с тобой навсегда...

– Правда?

– Конечно...

Конечно же, да...

Однажды...

Однажды я проснусь...

По памяти...

По памяти чиркая спичками
Освещаю углы черно-белого
Кадры есть непривычные
Где я вдруг включаю несмелого
Словно боюсь повторения

Сломанных фраз недосказанность
Внутри затаилось сомнение
Снова боимся привязанность
Смотрим на небо грустные
Взглядами отражаемся
Только луна безумствует
Да ветер дождем умывается

В темноте глубоко пряча личное
Ночь вдруг разбудит прежнего
По памяти чиркая спичками
Я нахожу нежное...

Лампочка

Иногда мне кажется, что Ты действительно была всегда.

Есть такие моменты в жизни, когда я не могу себе представить, что была кто-то другая.

Особенно, если это моменты ситуативного счастья.

Только с Тобой я мог познать «рай в шалаше» и Ты – как никто – об этом знаешь.

Однажды мы сняли квартиру где-то на краю вселенной, у самой МКАД —там, где кончается Бирюлево, а дальше начинается другое измерение. Сейчас я даже не поручусь были ли у этой квартиры какие-нибудь хозяева. Она появилась как-то сама собой, из ниоткуда, по той лишь причине, что перед этим мы жили под одной крышей с хозяевами на другом конце вселенной, где, казалось, время провалилось под бетонные блоки многоквартирных заграждений, о чем, правда, так и не узнали все эти обитатели отколовшегося куса айсберга, дрейфующего в поисках своего «Титаника», а нам – непостижимым образом, на каком-то протоментальном уровне сохранившими связь с внешним миром – оставалось только флегматично наблюдать за тем, что случится раньше: темноту прорежет луч рокового корабля или этот кусок льдины тихо стает в угрюмых волнах серого асфаль-

та? Знали ли об этом хозяева нашей VIP-ложи – не знаю я, но наши отношения становились слишком тесными, чтобы оставаться на одной палубе тогда, когда зависть, замешанная на ревности, перестала поддаваться контролю.

Как бы там ни было, неожиданно мы оказались в совершенно пустой квартире, плата за которую передавалась каким-то пиратским методом, да так, что, повторюсь, я и не помню: а был ли на самом деле пират?

Да и имело ли это, по большому счету, значение, коль скоро мы смогли наконец-то остаться одни и никто уже не лез к нам с глупыми вопросами по принципу: лишь бы спросить.

Мы одни.

Электричество есть, вода есть, санузел с белым унитазом и эмалированной чугунной ванной есть.

Нет, правда, полоч с зеркалами – зато есть двух-конфорочная плита на кухне, а в комнате односпальная железная кровать со скрипучей сеткой да стол со стулом, как мне кажется, украденные в какой-то столовой, но нас это, скорей, забавляло на уровне сексуальных экспериментов, а так – на той половине мы практически не появлялись, перегородив комнату своей аппаратурой, направленной на наше лежбище, состоявшее из брошенных прямо на пол нескольких матрасов размером 2,5х2,5м.

А что нам еще было нужно?

Отсутствие телефона давало полную свободу, и мы целыми днями могли валяться в постеле, просматривать под-

ряд все видеонювинки и слушать музыку, растворяясь в бесконечности Pink Floyd или напряженном объятии Depeshe Mode, вновь и вновь с жадным любопытством исследуя бескрайние просторы наших тел, иногда прерываясь для того, чтобы полистать подборку «Иностранной Литературы», спертую на одном из развалов, хотя ее и так, скорей всего, ждала участь макулатуры.

И снова секс до потери времени, пока невесть откуда появившаяся у нас собака не вытащит наши разгоряченные тела на улицу, чтобы слегка остудить и заодно потратить в ближайшем магазине оставшиеся деньги на вино и сигареты.

И вот я думаю, что это была Ты...

Только с Тобой я и сейчас могу потеряться во времени и забыть о внешней реальности, аккуратными столбиками прямо на полу громоздя фундамент нашей будущей библиотеки, где на верхней книге, залитой кофе и вином, под пятнами от коих еще можно разобрать, что это "Тени в раю" Ремарка, на которой стоит обычный граненый стакан, в котором среди табачного дыма, стоя по лепесток в воде, старается выжить желтая фиалка, напоминающая нам о хрупкости всего вокруг.

И еще.

Всю эту нору освещала 40Вт лампочка.

Обычная лампочка, ничем неприкрытая, висела под потолком...

Такая же тусклая лампочка бессовестно освещала Твой уголок в тот день когда я впервые у Тебя появился, как бы приглашая закончить картину об уютном гнездышке, когда-то начатую Тобой. Ты словно набросала карандашом на холсте, не желая, в итоге, делать лишь бы.

Ты такая.

Ты – вечность, и Ты можешь себе это позволить – не спешить.

Теперь я думаю, что так было задумано.

Это был знак – висящая под потолком лампочка без абажура, чтобы я смог узнать Тебя и вспомнить те счастливые безмятежные дни.

Мы, порой, не представляем, что за простейший элемент приведет всю формулу в движение. Словно задумка накурившегося школьника, сидящего перед зеркалом и пытающегося увидеть собственное отражение с закрытыми глазами. И как бы мы ни пытались, какие бы планы ни строили, в то мгновение когда он, глупо улыбаясь, закрывает глаза – именно эта висящая под потолком без абажура лампочка и оставляет свой последний яркий след и чтобы мы потом ни делали – к жизни нас сможет вернуть только этот глюк накурившегося школьника, длящийся каких-то 10 секунд, а нам кажется, что прошло 10 лет между этими вспышками, и, более того, у каждого из нас есть своя история длиной в 10 лет; а мы даже не подозреваем, что это всего лишь исто-

рия нашего отражения в зеркале, смотрящего на нас когда мы сидим перед ним с закрытыми глазами, гоняя под веками оранжевую вспышку электрической лампочки.

И когда мы с Тобой открыли глаза, то опять увидели друг друга – иначе и быть не могло – и снова все показалось до боли знакомым.

Исчезли только матрацы с пола и кровать со скрипучей сеткой.

Но, подчиняясь правилам игры, придуманной не нами, мы должны были делать вид, что не знакомы друг с другом.

Но откуда тогда такое доверие?

Да, я знаю, что Ты скажешь.

Ты скажешь, что я не верил.

Но, милая моя, как можно было в такое поверить, столкнувшись с реальностью под закрытыми веками?

Так бывает: когда увидишь кошмарный сон, то никак не можешь от него оторваться, с недоверием вступая в следующий день, при этом обнаружив, что календарь перевернули на 10 лет.

И должно пройти какое-то время, чтобы видение отпустило, символы забылись, а сон так и остался сном, потому что другой реальности – без Тебя – я не представляю.

А во сне понимаешь – это Ты, даже если Твое изображение ускользает, но я бегу за ним, хватаю за локоть, разворачиваю к себе и вижу, что ошибся.

Но то, что уместилось здесь на двух строчках, во сне – в

двух секундах, в личном, вполне реальном, восприятии затрачивает годы.

И я уже теряюсь, постоянно блуждая между сном и явью, между веками и полюсами; и когда мне кажется, что это лицо – такое прекрасное в свете луны – Твое, наступает утро и Ты снова ускользаешь, закутанная в пуховое сновидение, оставив после себя чужую женщину.

Тут волей-неволей будешь по утрам заглядывать под кровать и открывать шкафы, дабы убедиться, что этой чужой женщины больше нет, нечаянно раздражая Тебя собственной паранойей.

Тогда Ты надуваешь губы, из Твоих глаз льются соленые слезы.

Ты не выдержишь и подводишь меня к зеркалу, чтобы я смог наконец-то увидеть собственное отражение, так и не открывшее глаза...

Странник

Под серым небом странник бродит
С засохшей на щеке слезой
Его судьбой проклятье водит
И не даёт ему покой
Его душа закрыта маской
Под ней завядшие цветы
С последним лепестком ромашки
На нём одно лишь слово: «Ты»
И стены храма разрушая
С ним повстречается любовь
Но, поцарапав маникюром душу
Его голубка улетает вновь...

И вновь луна молитвы слышит
В морщины покрывает руки ночь
А конь его – товарищ верный
Уносит по дороге прочь
Чтобы пройти опять по кругу
Печали, горести, тревоги
Везде искать свою подругу
За гордость наказали боги...

И снова отражение скорби
Предательство толпы
Иуды сук
Поломанные крылья за спиной Икара
И шорох пересохших губ
«Опять не Ты...»

Солёный ветер
Звезда, пропавшая во мгле
Темно
Обломки
Рванный парус
Патрон последний у виска
Закрытые ворота ада
А в рай не пустят никогда...

Ни смерти
Ни бессмертия
Ни жизни
Принявший наказание
Непрощенный
Сын ветра и опавших листьев
Всегда страдать приговорённый
Легенда волчьей стаи
Ворон
Седой ребёнок

Серый капюшон
Стон лепестка последнего ромашки
И палача, и жертвы сон

Уставший, но незнающий покоя
Изгоем обреченный быть
Изгоем...

* * * * *

Осколки льда застряли в сердце
По венам бьётся холодок
А пульс – неосторожно мелкий
Теряет в теле жизни ток
Кошмаром сны наружу рвутся
От пота мокрая постель
И еле слышный шепот криком
Вонзает в душу слово
«Верь!»

Но демон, скалясь, обнажает
Свои вампирские клыки
Со злой ухмылкой наблюдает
Как сбился Ангел мой с пути...

В грозу посреди Шаболовки

Гроза застала Веру и ее почти шестилетнего сына Ваню посреди Шаболовки, куда они поехали, чтобы заложить в ломбарде кулон на золотой цепочке. Сильный ливень, обрушившийся на Москву, лишний раз подчеркнул нерадостное настроение.

Выходя из дома, доверившись солнцу за окном, про зонтик Вера даже не вспомнила. Она с утра пыталась решить уравнение с двумя «известными»: надо отдать долг – это принципиально, и у Вани в конце недели день рождения, а, значит, придут гости, и надо накрыть на стол и сделать сыну подарок – это тоже принципиально. Один кулон, пусть и на цепочке, не решал задачу. К тому же, повседневные расходы им с Ваней так же пока никто не отменил. Не до метеопрогнозов как-то...

Не добежав от трамвайной остановки до ломбарда, они нашли убежище под раскидистым тополем, более-менее защитившим их от того, чтобы не промокнуть до нитки. Вера с грустью смотрела на потоки воды, смывающей пыль с вмиг опустевшей улицы. Ваня прижимался к ней, обхватив ее руку.

Неожиданно Ваня отпустил руку мамы и выбежал из-под кроны дерева, направившись к проезжей части.

– Ваня, стой! Ты куда?! – закричала Вера. – Ты же весь промокнешь! Вернись сейчас же!

Но ребенок, не обращая внимания ни на мать, ни на ливень, добежал до тротуара, сел на корточки и принялся что-то изучать на пузырящемся от дождя асфальте.

– Ваня! Я кому говорю – вернись?! Ну, держись, засра-нец, – выругалась Вера и решительно направилась к мальчику с твердым намерением отшлепать его за то, что он вынудил-таки выйти ее из-под прикрытия, где так хорошо было грустить, глядя на дождь. Но моментально промокшая грусть тут же сменилась на материнскую рассерженность.

– Ты что творишь, оболтус? Ты ж заболеешь весь! – заругалась Вера, подойдя к сыну.

– Мам, смотри, – не обращая внимания на сердитый тон матери, попросил Ваня. Вера взглянула туда, куда указал ей сын и увидела... рака. Обыкновенного живого рака, невесть откуда взявшегося фактически в центре Москвы, и теперь упорнодвигающегося к лишь ему известной цели.

Вера слегка удивилась – не лягушка ведь какая-нибудь появилась в дождь на тротуаре, но удивляться под проливным дождем – не самое приятное занятие. Надо вернуться к тополю, где было еще довольно сухо.

– Ну, да, ну, рак... – Вера, слегка смягчившись от увиденного, взяла сына за плечо. – Ладно, посмотрел, теперь пошли. Совсем промок. Заболеешь ведь, да и я с тобой. Рак нас лечить будет?! Вставай давай.

В этот момент у себя за спиной Вера услышала оглушительный треск. Оглянувшись, она увидела, как здоровенный сук, отломившись от тополя, рухнул точно на то место, где еще с полминуты назад они с сыном укрывались от дождя. Внутри у Веры все похолодело. Подкосились ноги. Перекревстившись, она села на корточки рядом с Ваней, через плечо смотревшего в сторону тополя.

– Сломалось дерево, – спокойно констатировал ребенок и вновь переключил внимание на рака. – Мам, а откуда он?

– Кто?.. – Вера никак не могла прийти в себя от только что увиденного и, позабыв тут же и про ливень, и про то, что они промокли, и про то ради чего они вообще приехали на Шаболовку, продолжала смотреть в сторону дерева широко открытыми глазами, с ресниц которых дождь смывал тушь, размазывая ее по щекам темными ручейками.

– Ну, мам, ну, этот, ну, рак.

Вера посмотрела сначала на Ваню, словно, не понимая – о чем он? Затем обратила внимание на рака, устало перебирающего свои клешни. Она осторожно взяла его за жесткий панцирь и подняла до уровня глаз, чтобы получше разглядеть. Рак активно замахал клешнями, пытаясь то ли поприветствовать, то ли напугать. Черные бусинки глаз. Вращающиеся усы-антенны.

– Действительно, откуда ты тут взялся?..

– Может он из кастрюли убежал? – предположил Ваня. –

Ну, как в «Русалочке».

– Может быть, может быть... – улыбнулась Вера.

– Мам, давай его себе заберем.

– Кого? Рака? Зачем?! Чтобы его дедушка как-нибудь под пиво пустил?! Нееет, этот рак, по-моему, достоин лучшей участи. Тем более, за нами должок, а долги, сынок, надо возвращать. – Вера оглянулась на тополь с лежащим рядом огромным суком, потом перевела взгляд на находящийся чуть дальше ломбард и, усмехнувшись, добавила: – Не всегда, правда, получается... Ладно, малыш, я, кажется, придумала. Вот, кстати, и трамвай.

На остановку подошел трамвай №26, идущий в сторону Загородного шоссе. Вера взяла сына за руку.

– Побежали!

Они запрыгнули в трамвай и прошли в заднюю часть вагона. В одной руке Вера держала руку сына, в другой – ничего непонимающего неистовствующего рака. Присесть, как всегда днем, негде, но на задней площадке довольно свободно.

Вера с Ваней насквозь промокшие. Под ногами лужица. Окружающие не такие мокрые. У большинства в руках зонты. В руке Веры – рак. Некоторые пассажиры, не скрывая любопытства, смотрели на них.

Какой-то парень решил сострить:

– Девушка, а у меня как раз пара бутылок пива с собой.

– А у меня с собой ребенок, рак и дурное настроение, – отрезала Вера.

Сидящая к ним лицом женщина средних лет надменно ухмыльнулась и отвернулась к окну.

– «Алексеевская больница», – объявили по громкоговорителю.

– Пошли, – Вера подтолкнула Ваню к выходу.

Сойдя с трамвая, они направились к пруду. Ливень почти прошел и лишь редкий дождик отбивал свою грустную мелодию по поверхности городского водоема...

Мама и сын присели на корточки на песчаном отрезке берега возле самой воды.

– Ну, что, друг? Пора, наверное, прощаться... – Вера слегка коснулась пальцем шевелящихся усов. Ваня сделал тоже самое. Рак в ответ растопырил клешни. – Теперь мы в расчете. И, знаешь... – Вера смахнула с ресниц затерявшуюся среди дождевых капель слезинку. – Спасибо тебе.

Вера положила рака на песок и тот, повинувшись природному инстинкту, заторопился к воде. Спустя полминуты, он исчез. Женщина с ребенком какое-то время еще смотрели на воду, словно ожидая, что рак за чем-нибудь вернется.

Не вернулся.

– Мам, а он не утонет?

– Нет, малыш, не утонет, – улыбнулась Вера, – а вот мы, если и не утонем, то наверняка заболеем. Поехали домой, напою тебя горячим молоком.

– Домой?

– А то куда же?

– Ну, мы же куда-то ехали. Теперь что – не надо?

Вера раскрыла висящую сбоку сумочку. Достала из нее кулон на золотой цепочке. Кулон – знак Зодиака. Рак.

– Надо же... – пробормотала Вера. – Нет, малыш, не надо. В первый раз что ли?.. – Она повесила цепочку с кулоном на шею Ване. – Твоя, в общем-то, вещь. Носи. Ты же у нас Рак по гороскопу.

– Кто я? – удивился мальчик. – По какому гороскопу? Это что такое?

– Пошли. Потом как-нибудь объясню.

– Мам, почему потом? Объясни сейчас. Что такое гороскоп?

– Ну, давай хотя бы до дома доберемся. Согреем молока...

– Какао. Лучше какао.

– Хорошо, какао. Сварим какао, и я тебе все объясню.

А то на нас сухого места нет. Вставай.

Они поднялись и пошли на остановку.

Тучи наконец позволили показаться солнцу, тут же затопившемуся отогревать всех тех, кто, доверившись ему, выходя из дома, не вспомнил про зонтик.

Голос

Я услышал Твой голос между гудками
застрявший в мембране
в угольной пыли
перламутром пронзающий провода телефона
в уличной будке
стоящей под ветром
штормом ворвавшимся на улицы наши
срывая щиты в неоновом свете
рекламной глазурью залившим разбитые окна
звоном стекла ответившим небу
серою ватой нависшим над нами
друг друга услышавших между гудками

Кто Ты такая?
спросил я
не веря
что так в непогоду
разделённые детством
мы встретимся где-то
голосами цепляясь за душу другого
царапая в кровь разбитые пальцы
о лепестки опавших ромашек
не находя номера телефонов
губною помадой записанных утром

Ты меня ищешь

Откуда Ты знаешь?

*Я умываюсь слезами ветра
Я чувствую это в дыхании света
ночью накрывшим город уснувший
Я знаки читаю на стенах домов
разрушенных завтра
Я слышу кленовые листья
шепотом жёлтым сказавшие имя
Я вижу твой хрип
простуженный криком стай журавлей
не вернувшихся с юга*

Кто Ты?

*Подруга
идущая следом
по полосе разделивший туманы
в карманы убравшая чёрные листья
свинцовых деревьев на наших дорогах
от края до рая прошитых тревогой
пунктиром скользящей вдоль берега моря*

Как же Тебя я узнаю?

Не знаю

*таймер стоит мой ровно на восемь
в небо поднявший знак бесконечность
мы за беспечность уже заплатили
цифрами комнат
дарившими счастье
выйди в ненастье
на перекресток перечеркнутых будней
в лицах знакомых увидишь иную
снами пришедшую в прошлую осень*

Где Ты была?

Я знала

*что спросишь
но все очень просто
всегда рядом с тобой*

Я не вернусь больше в прошлую осень
не уходи
останься со мной...

Последний Лес

Волки вели их день, вечер, ночь и вот уже второй день начал терять свою силу среди высоких деревьев Последнего Леса, но всадник не останавливался и упрямо продолжал свой путь. Еле держась в седле, он иногда склонялся к вороной гриве своего коня и тогда сон, с которым он боролся на протяжении последних нескольких дней, не на долго побеждал его.

Конь от усталости то замедлял свой ход и шел неверным шагом и тогда, казалось, что он вот-вот рухнет под тяжестью седока, то, встряхнувшись, ускорялся, следуя по еле различимой тропе, пересекающей Последний Лес. Словно одна большая усталость объединила всадника и его коня.

Усталость и упрямство, ведущие из жизни в жизнь, от времени до времени по еле различимым тропам.

Иногда волки спрашивали своего вожака: не пора ли им напасть на всадника, который на всем протяжении пути являлся легкой добычей, но вожак почему-то упрямо не хотел нападать на человека, хотя Закон Последнего Леса позволял им это сделать. Но, не смотря на собственную усталость, усталость и нарастающее недовольство своей стаей, вожак ждал, когда конь сам падет под всадником. Волк чувствовал приближение смерти.

Возможно, она уже вела коня под уздцы к своему Последнему Приюту, от чего тот перестал чувствовать опасность, сопровождавшую их второй день, с тех пор как они ступили на Последнюю Тропу Последнего Леса.

Усталость и упрямство сошлись и вели вместе и охотников, и добычу.

Но когда сосновые верхушки Последнего Леса окрасились в алые цвета наступающего заката, а сами дебри начали, наконец, редеть, возвещая о том, что Последняя Тропа подходит к концу и Последний Лес совсем скоро выпустит из своих сосновых объятий; когда уже теряющие свое терпение волки были готовы использовать свой последний шанс, позволяющий им напасть на кого бы то ни было в пределах Последнего Леса, и тогда смерть смогла бы забрать в свой Последний Приют и коня, и всадника, склонившегося к самой гриве своего верного друга; когда уже воронье начало слетаться к окраине Последнего Леса, чтобы перехватить свои крохи, остающиеся после каждой охоты – конь неожиданно встрепенулся, заржал, встал на дыбы, чуть не вытряхнув из седла седока, и из последних сил, тех самых последних предсмертных сил, когда последние звуки раскрывают свои последние секреты, к которым готовили всю жизнь, конь рванул вперед, стараясь успеть вырваться за пределы Последнего Леса и из цепких рук уже ведущей под уздцы смерти, чтобы, по крайней мере, спасти из ее рук своего друга, с которым они прошли из жизни в жизнь, от времени до времени

по еле различным тропам, каждая из которых могла стать последней.

Уже было видно перемешавшую все теплые вечерние краски опушку, за которой их уже никто не тронет и тогда можно будет передохнуть. Тогда, возможно, и смерть потеряет к ним свой интерес в этой жизни.

Но тут один из молодых волков, не дожидаясь приказа вожака, не ожидавшего от еле стоящего на ногах коня такой прыти, выскочил из укрытия и, рискуя быть убитым мощными копытами, в великолепном прыжке успел прокусить ему заднюю ногу. Конь, споткнувшись на полном ходу и выбросив из седла всадника, кувыркнулся и упал на самой границе Последнего Леса, подняв облако пыли в самом конце Последней Тропы.

Всадник подбежал к своему другу, еще успев увидеть в его глазах последнее «прости», угасающее вместе с уходящей к Последнему Приюту жизнью. Последний хрип смешался с оседающей пылью и звуками хлопающих крыльев рассаживающегося по веткам воронья.

– Прости, – прошептал всадник, опустившись на колени перед конем. Он видел, что не в силах ему помочь, – и прощай, мой друг...

Волки, уже не прячась за дебрями Последнего Леса, обступили их в ожидании сигнала вожака. Охота была окончена. Добыча по праву принадлежала им. Осталось дождаться, когда всадник попрощается со своим конем и продолжит

свой путь. Его они не тронут. Если только вожак не передумает.

Вожак вышел вперед.

– Ты можешь идти, – обратился он ко всаднику. – За границей Последнего Леса тебя не тронут. Дальше сам.

– Мне надо его похоронить, – не оглядываясь, произнес всадник.

Некоторые волки усмехнулись, но человек не обратил на это никакого внимания, продолжая смотреть на своего друга. По лицу всадника текли слезы.

– Тебе не надо его хоронить. Это наша добыча.

– Мне надо его похоронить, – всадник развернулся к стае лицом и посмотрел вожаку прямо в глаза, – и я его похороню.

– Это наша добыча, – оскалившись, повторил вожак, стая сделала шаг вперед, – и ты его не похоронишь – иначе мы похороним тебя. Выходи из леса. Я уважаю твой путь и поэтому даю тебе уйти.

Всадник, преодолевая боль и усталость, поднялся с колен. Он расстегнул свой плащ, битый всеми ветрами и снегами, дождями и градом, укрывавший его от зноя и прятавший в самых темных углах, не раз служивший постелью в чистом поле под звездным небом. Достав из-за ремня блеснувший в закатных лучах утомленного солнца кинжал, человек обвел хищным взглядом стаю готовых броситься на него волков.

– Это мой друг и даже мертвый он не станет ничьей добычей. Скорей, я похороню всех вас или лягу рядом с ним,

но никто – слышите, волки?! – никто ни куска не оторвет от моего друга!

Волки смотрели на жоака в ожидании сигнала. Один человек не противник для семерых взрослых волков, сколь силен и ловок он ни был. К тому же, он измотан долгими странствиями. Волки видели это и готовы были принять бой. Хотя, какой это бой – семеро против одного? Даже если всадник и сможет убить одного или двоих из них – они всегда были готовы к этому – он все равно, в итоге, ляжет рядом со своим конем.

Сам виноват. Они отпускали его. Он не захотел этим воспользоваться. Им больше добычи – на радость волчицам и волчатам.

Осталось дожидаться сигнала жоака, чье слово для них выше Закона Последнего Леса.

Но жоак медлил.

Жоак смотрел в усталые глаза человека, прошедшего долгую дорогу из жизни в жизнь, от времени до времени, прошедшего Последней Тропой Последнего Леса и вставшего на последнюю защиту своего последнего друга. Своего мертвого друга...

Жоак понимал, что человек не отступит. Это мало, что меняло как бы ловок и силен тот ни был. Для волков драться не впервой...

Лишняя добыча...

На радость...

Волчатам и волчицам...

Напряжение росло.

Наконец, вожак принял решение.

– Уходим! – коротко бросил он стае.

Оскалившиеся было волки удивленно посмотрели на вожака, не веря своим ушам.

– Уходим! – повторил вожак и повернулся обратно к лесу.

Волки не могли его послушаться и, склонив лохматые морды, с неохотой побрели за ним следом.

– Мы вернемся позже и неожиданно нападем, когда человек уснет? – вопрошал молодой волк, нанесший коню смертельный укус. Он никак не мог поверить в то, что охота – его первая охота, в которой он так отличился – могла кончиться ничем и они вернутся без добычи, оставшейся на самом краю Последнего Леса, забрать которую мешает лишь изнуренный дорогой человек. Но волки угрюмо шли за вожаком, не обращая внимания на вопрос своего молодого товарища: вожак принял решение, а решение вожака – закон.

Тогда молодой волк обратился напрямую к вожаку.

– Нет, – коротко ответил тот.

– Мы не будем никем рисковать и вернемся за добычей, когда человек уйдет? – предположил молодой волк.

– Нет.

– Но почему?!

Вожак остановился и посмотрел молодому волку в глаза.

– У тебя есть друг?

– Н-ну... да... наверно... да... вы – мои друзья...

– Ты сожрешь кого-нибудь из нас?

– Конечно, нет! – возмутился молодой волк.

– А позволишь это сделать кому-нибудь еще?

– Но то мы, а то... Ведь ни конь, ни человек нам не друзья, – попробовал молодой волк последний аргумент, – а коня все равно выкопают другие и сожрут!

– Отстань! – рявкнул вожак и побрел дальше, размышляя над тем, что для вожака он становится слишком мягким. Неожиданно он остановился, пару секунд подумал и развернулся обратно в сторону окраины Последнего Леса – туда, где они оставили всадника со своим мертвым другом.

– Я знал, что он передумает! – обрадовался молодой волк и помчал вслед за вожаком. Остальные волки отправились за ними.

Человек буквально вгрызлся с помощью своего кинжала в никем доселе нетронутую почву Последнего Леса, чтобы рядом с Последней Тропой сделать Последний Приют своему Последнему Другу. В каждый удар кинжалом он вкладывал всю боль Последних Лет Последнего Пути. Слезы смешивались с пылью, грязью размываясь по лицу. Grimасы вековой печали сменялись улыбками воспоминаний, гневом и отчаянием. Земля, словно, отказывалась принимать чье-то мертвое тело.

Воронье равнодушно взирало на тщетные усилия челове-

ка.

– Даже если тебе удастся вырыть могилу своему другу, хватит ли тебе сил, чтобы уложить его туда? – услышал он за спиной.

Человек оглянулся.

Погруженный в свои скорбные мысли он не заметил, как вернулись волки. Сил подняться уже не было. Стоя на коленях, человек выставил перед собой кинжал, приготовившись к бою.

– И даже если тебе удастся похоронить его, то охотники до падали все равно разроют твою неглубокую могилу и разорвут останки, – вожак не обращал внимания на решимость человека.

Человек не обращал внимания на доводы вожака.

– Вы его не получите!

– Не нервничай, человек, побереги силы. Мы его не просим. Мы просили тебя оставить нашу добычу и уйти. Ты не ушел. Мы уважаем твое решение, хотя по Закону Последнего Леса могли забрать силой то, что принадлежит нам по праву, но мы этого не сделали.

– Тогда зачем вы вернулись?

– Мы вернулись помочь тебе.

– Чем? Сожрать его?

– Ты дурак, человек, – усмехнулся волк. – Злой дурак. Мы могли сожрать вас обоих еще вчера, когда вы только вошли в Последний Лес, да-

же если бы это нам стоило пары жизней наших братьев. Мы всегда к этому готовы – ты должен это знать.

– Знаю, – согласился человек и опустил кинжал.

– Сожги труп своего друга и отдай пепел ветру – он позаботится о нем. Мы поможем тебе, а то ты, чего доброго, спалишь Последний Лес и тогда не останется Последней Надежды.

Волки вышли на опушку и сначала вырыли небольшое углубление, а затем забросали его сухими еловыми ветками. Сложнее было перетащить тушу коня, но, аккуратно взявшись зубами за гриву и ноги, они справились и с этой задачей.

Человек с болью подумал, что такой мягкой постели у его друга никогда не было. Да и сам он давно ли спал хотя бы под крышей, не говоря уже о простынях... А теперь стая самых хищных на свете волков стелет последнюю постель его Последнему Другу.

Последнюю и мягкую...

Мягкую и теплую...

Когда волки закончили вожак обратился к человеку:
– Теперь ты.

Человек подошел и поправил ветки под головой коня, как это делают родители, когда укладывают спать своего ребенка, после выпрямился и посмотрел в звездное небо, где луна ждала, когда огонь отпустит душу скакуна, а ветер развеет прах его по окрестным полям.

Тихая звездная ночь. Полная луна.

Хорошая погода, чтобы умереть – вспомнил всадник.

Нет, никакая погода не хороша для смерти, подумал он, сколько бы ты ни жил, а умирать всегда плохо – уж он-то это знал, как никто другой.

Постояв какое-то время, человек достал из кармана фляжку, отпил из нее и, обрызгав костровище, произнес: «Спи спокойно, мой друг да упокоит Всевышний твою душу...», а затем поджег сухие ветки.

Пламя взметнулось вверх мириадами искр к небесам – туда, где они найдут свое место в хвосте Неутомимой кометы, уносящей по Млечному Пути еще одну душу к Последнему Приюту, туда, где Бог наконец-то подарит ей покой...

Человек отошел от костра и сел на землю. Отпивая из фляжки маленькими глотками, он смотрел на огонь ничего не выражающим взглядом, словно скорбное пламя выжгло внутри все чувства. Рядом, положив морду на лапы, лег вожак. Так они молча смотрели на горящую Последнюю Постель верного скакуна, так и не успевшего вырваться из дремучих объятий Последнего Леса.

Каждый думал о своем, о своих превратностях судьбы, ведущей непростыми дорогами выпавшей жизни.

О том же, наверное, думали и остальные волки, расположившиеся вокруг костра, сделавшие все, чтобы ненасытный огонь сожрал их законную добычу.

К человеку подошел молодой волк, нанесший смертель-

ную рану скакуну, и положил у его ног тушку зайца. Занятые похоронами волки не заметили, как молодой волк куда-то исчез.

– Я хотел выразить свое сочувствие, – обратился он к всаднику.

Человек, не глядя на него, приподнял руку с фляжкой в знак признательности.

Немного помявшись, молодой волк продолжил:

– Это я нанес последний укус твоему другу. Прости...

Человек посмотрел на него, отпил из фляжки и вновь перевел взгляд на огонь.

– За что ты просишь прощения, волк? – спокойно произнес он. – За то, что Бог создал тебя хищником?

– Но... – удивленный было волк хотел что-то сказать, но человек перебил его.

– Нет здесь никаких «но» – у каждого своя судьба, свой путь.

Молодой волк опустил голову и отошел в сторону.

– Благородно, – сказал человеку вожак.

– Может быть, – пожал плечами всадник, – а, может быть, у меня просто не осталось сил на месть.

– Да, выглядишь ты неважно – тебе надо отдохнуть, а иначе ты не сможешь закончить свой путь, и тогда все будет напрасно. Подкрепись, – вожак кивнул на тушку лежащего перед человеком зайца.

– Успею. А вы?

– За нас не переживай – стая голодных волков всегда найдет себе добычу. Отдохнем пока горит огонь и отправимся в дорогу.

Немного помедлив, вожак вновь заговорил:

– Пока мы не ушли, ответь мне на один вопрос.

– Спрашивай.

– Почему я тебя понимаю?

Тень воспоминаний пробежала по освещенному пламенем лицу всадника.

– Потому что когда-то я тоже был волком.

Вожак посмотрел на человека, но больше ничего у него не спросил.

Они долго еще так сидели и молча наблюдали за тем, как огонь превращает в пепел коня – Последнего Друга Человека...

Начало

Карандаш
Детский альбом
Цветной карандаш
Эскиз
Еще эскиз
В сторону
Потом...
Когда потом?
Потом...
Все потом
Когда-нибудь
Тогда, когда уйдет боль
Но она не уйдет
Никогда не уйдет
В пустыне некуда идти – только за горизонт
Эскизы появляются с болью
В больном воображении
Фантазия на руинах памяти...

Наш первый танец
Моя рука скользит тебе под блузку, касаясь бархата кожи
Первое прикосновение, спаявшее навсегда
Forever
Мир стал другим и больше не будет прежним

Давай не поедem со всеми

Давай

Мы идем по улице одни

Следы пунктиром ложатся на мокрый снег и через какое-то время исчезают, словно нас никогда там не было

Начало

Остановка

Два бельгийских хот-дога и бутылка пива

Мимо грязные машины

Сигареты

А поехали на метро?

Поехали

Оказывается, довольно рано – много народу

Кто куда

Осторожно, двери закрываются

Все – двери закрылись

Ни ты, ни я уже никогда не выйдем из этого вагона

Мы до сих пор в нем

Кругом невольные свидетели нашего начала

Книга открыта

Судьбописец промокнул в чернильнице перо и закрыл глаза

Судьбы переплелись узорами на ладонях

Зацепились друг за друга, превратив прошлое в пар

Состав ныряет в тоннель, выныривает, останавливается,

впускает, выпускает, объявляет станции и мчится дальше
в темноте разноцветной паутины, поймавшей в свои сети
Москву

Мы неловко ловим взгляды друг друга

Еще ничего неясно – лишь трепет наших отражений в
стеклах дрожащего вагона

Состав постепенно пустеет

Почему-то хочется, чтобы кто-то обратил на нас внима-
ние, все понял, улыбнулся и мысленно пожелал счастья

Если бы мы тогда знали куда едем и что будет дальше
– спустились бы в это подземелье?

Кто знает...

Бог знал, но промолчал, выйдя на одной из стан-
ций

Дальше сами

Вокруг никого и ничего

Только кем-то забытая книга дрожит на скамье

Страницы забрызганы чернилами

Неловко пойманный взгляд

Наши отражения...

На Новослободской спустились ты и я

На Чертановской вышли Мы...

BMW 3 серии масштаб 1/43

– Ну, не крутись, пожалуйста! Я кому говорю?! – молодая женщина резко. одернула мальчика лет пяти, находящегося в игривом настроении. – Это все-таки метро. А это опасно! Вот выскочит поезд неожиданно и... – она покосилась на сына, пытаясь смягчить начатую фразу. – А ты от неожиданности машинку уронишь, и она того... тю-тю!

– Что значит «тю-тю»?! – вскинул брови мальш, но на всякий случай, прижал машинку обеими руками к груди.

– Да то – не будет тогда у тебя больше машинки!

Мальчик недоверчиво посмотрел на мать, потом на машинку, и сел на скамейку рядом с мамой. Женщина поправила на нем рубашку и обняла за плечи. Ребенок с полминуты сидел смирно, поглядывая в темную арку, откуда должен был показаться поезд, затем беспечно заболтал ногами так, словно стараясь, чтобы с него слетели сандалии. Куда-нибудь на рельсы.

– Ну, что ты за егоза такая?! Минуту спокойно посидеть не можешь! – вздохнула мама и тоже посмотрела в сторону темной арки. – Потерпи до дома – там делай, что хочешь.

– А у меня дома еще машинки есть! – вспомнил сын.

– И что?

– Если эту поезд раздавит – я буду теми играть! – амплитуда раскачиваемых сандаликов увеличилась.

– Если поезд эту раздавит у тебя и тех не будет.

– Почему?! – движение готовых уже слететь сандаликов тут же остановилось. Малыш испуганно посмотрел на мать.

– Потому что я их выкину.

– Почему?!

– Потому что беречь не умеешь.

– Как так?! – заморгал малыш, удивленно глядя на мать.

– А вот так!

– Интересно, – мальчик поднял машинку на уровень глаз, – она их выкинет, а я беречь не умею... Как так?!

– Вот так, вот так! – улыбнулась мать, которой удалось наконец-то переключить внимание непоседливого ребенка.

Во мгле арки появились два желтых круга и тут же обдало ветром выдавленного из тоннеля воздуха. В жаркий день очень кстати.

– Вот и метро. Давай руку.

Мальчик послушно взял мамину руку и прыгнул со скамейки. Сделал зажатой в руке машинкой замысловатый пируэт, при этом издав звук заходящего на атаку истребителя, пытающегося перекрыть свист выкатившегося на перрон синне-серого состава. Заходя в вагон, он убрал игрушку в карман джинсовых шорт.

– А ты говоришь – не берегу. Берегу!

В вагоне было относительно свободно. Тут же нашлось

место, где женщина присела со своим пятилетним сыном, который, немного поизучав окружающую действительность, к следующей станции спокойно заснул под мерный гул скользящего по подземной паутине поезда. Одной рукой он обнимал мамину руку, другую с зажатой в ней машинкой держал в кармане шорт, видимо, даже во сне переживая за ее сохранность.

Мать, увидев, что сын заснул, улыбнулась и нежно поцеловала его в белобрысую голову. Он – это все, что у нее есть. Это ее маленькая семья, которую она бережет и которой отдает все свои силы. Конечно, есть еще родители и они, Слава Богу, живы и здоровы и в ее помощи пока не нуждаются. Порой, она нуждается, но старается не обращаться, по крайней мере, по пустякам. Знает, что помогут, обязательно помогут, но – в свое время – появление этого замечательного малыша произвело сильный переполох в доме и привело к крупному скандалу.

Со временем отношения потеплели, и родители все чаще и чаще стали проявлять интерес к внуку, но тогда было сказано много ненужных слов, оставивших в душе глубокие порезы.

Но она ни разу не пожалела о решении оставить ребенка, хотя до сих пор не смогла ответить на вопрос – от кого он? Да и зачем? Так ли это важно? Стоит ли это тех унижений по принуждению кого-то к отцовству, если ни одного своего ухажера она не любила настолько, чтобы хранить ему вер-

ность? Она решила – нет, не стоит.

Ухажеры успокоились и исчезли.

Из роддома встречали только подруга и бабушка.

Рождение ребенка перевернуло всю жизнь.

Девушке пришлось уйти из дома и с четвертого курса института, взяв академический отпуск, который так пока и не закончился. С квартирой помогла бабушка, оставив ей свою «однушку» в Чертаново, а сама переехала к сестре в Суздаль, объявив, что там и собирается доживать свой век, вдали от столичной суеты и некрасивого отношения ближайшей родни к ее нагулявшей ребенка внучке. С тех пор каждый месяц – аккурат после пенсии – стали приходиться переводы из Суздали. Как будто алименты, словно бабушка была напрямую причастна к появлению на свет своего правнука.

Было, конечно, трудно, но проблемы как-то худо-бедно решались. Выручало хорошее знание английского – всегда где-нибудь кому-нибудь что-нибудь надо перевести. А там пошли ясли, садик, появилась возможность устроиться на полставки машинисткой в том же институте, где она училась раньше. Все как-то само собой наладилось.

Отдавая все свободное время сыну, она не ощущала одиночество. Лишь в последнее время обратила внимание как ее малыш смотрит на мужчин, приходящих в детсад за его маленькими приятелями, которых те называли «папами». Хотя ситуация для мальчика еще не понятна, вопросов он, как ни странно, пока не задавал. Зачем? Им ведь так хорошо вдво-

ем – зачем нужен еще кто-то? Но женщина знала, что скоро к его вечным «почему?» добавится еще одно.

Тем не менее, она не спешила на поиски «лишь бы всех устраивающего мужа». Несмотря на то, что ей хватало как пристойных, так и не пристойных предложений. С ней пытались знакомиться, ее пытались знакомить, и, возможно, были достойные претенденты, но с рождением сына она по-другому стала относиться к самой себе: сердце молчит – значит, оно того не стоит. Отшучивалась тем, что с материнским молоком сын высосал все желания и чувства.

В чем-то была права, в чем-то – не пришло время...

Женщина продолжала перебирать своими длинными не окольцованными пальцами завитушки сына, как внезапно ее охватило волнение. Сердце вдруг учащенно забилось и стало как-то не по себе. Мысли в голове сумбурно засуетились, словно чей-то голос зашептал что-то на незнакомом языке где-то в подсознании.

Она недоуменно заморгала, почувствовав, как озноб пробежал по всему телу, а следом тепло разлилось от груди вниз живота, щеки загорелись румянцем, пальцы мелко задрожали. Стало не хватать воздуха.

Женщина испугалась, а от того, что она не знала, чего бояться, страх вперемешку с возбуждением только усиливался. Среди мечущихся в голове мыслей самой отчетливой была «что со мной?»

От того, что она, стараясь унять дрожь в руках, перестала

поглаживать своего сына, мальчик проснулся и посмотрел на мать.

– Ма, ты чего? – тихо спросил он, увидев, что что-то не так.

– Ничего, сынок, ничего, – ответила мама, – все в порядке.

– Не в порядке, – не поверил ребенок, – я же вижу.

– Не волнуйся, пожалуйста, все хорошо.

Сын решил убедиться и выпрямился, при этом вынув из кармана руку, с зажатой в ней моделью кабриолета BMW 3 серии масштабом 1/43, который мама однажды купила ему на свой выбор, видимо, вспомнив какое-то свое легкомысленное приключение. Машинка выскочила из руки малыша и, сделав невероятный трюк в воздухе, ударилась мордой об пол, подпрыгнула, еще раз перевернулась и стала на все четыре колеса в ногах у сидящего напротив мужчины. Ребенок тут же отвлекся от волнения матери, но само волнение у женщины вдруг улетучилось, уступив место неожиданной пустоте, словно внутри прошла генеральная уборка.

Мальчик спрыгнул со своего места, чтобы поднять свою игрушку, остановившуюся между двух запыленных, когда-то дорогих, но потрепанных дорогами мужских туфель. Но не успел малыш нагнуться за машинкой как ее уже поднял мужчина, крутанул в руке, быстро осмотрев, придавил пальцем отошедшую от удара фальшьрадиаторную решетку и протянул автомобильчик маленькому хозяину, при этом грустно улыбнувшись:

– Славный аппарат.

Ребенок взял свою игрушку, затем, видимо, поняв, что никто у него ее отбирать не собирается, посмотрел своими большими как у мамы глазами на незнакомца, шевельнул губами «пасиб» и вернулся на свое место, забравшись на которое, смиренно сел и принялся украдкой рассматривать диссоциирующего и с метро и с послеобеденным временем мужчину, на небритом лице которого так и застыла грустная улыбка – только смотрел он не на мальчика, а куда-то вглубь пустеющего по мере удаления от центра вагона, вальяжно развалившись на диване, словно это был диван лимузина, а сам он с потрепанным шиком утомленного ночью плейбоя рассматривает прогуливающих по московским тротуарам красоток, грустно улыбаясь лишь ему известным воспоминаниям, отражающихся в его покрасневших от недосыпания глазах.

Но лимузина у него не было. Вещи остались от хороших времен, даром, что классика умело скрывает переменчивую моду. Ночь и половину наступившего дня он провел в казино, где и оставил те немногие деньги, которые более переменчивая, чем мода фортуна подбросила ему накануне. Но денег было недостаточно, чтобы решить все свои проблемы, но достаточно, чтобы, проиграв, усугубить.

Потратив последние деньги на сигареты, в метро он вошел бесплатно. Хотя ключ от квартиры у него был – в самой квартире его никто не ждал. А из всех бредущих в по-

лусонном полете воспоминаний самым беспокойным было – остался ли дома кофе?

Свалившаяся в ноги модель кабриолета BMW 3 серии масштабом 1/43 вскользь напомнила ему о том, что когда-то и у него была такая же с серым кожаным салоном и магнитолой Vlaupunkt. Скользнув, воспоминание оставило на лице грустную улыбку, с дрифтом промчалось по улицам памяти, нарушая законы гравитации въехало на кухню – прямо к шкафчику, где хранился молотый кофе. У банки взвизгнули тормоза и кабриолет исчез в руках белокурого малыша. Поднять крышку банки моральных сил не было, иначе начались бы ненужные угрызения совести по поводу собственной непредусмотрительности.

Тратить деньги он не умел, а тому, кто не умеет тратить деньги тяжело без них обходиться.

Мужчина вздохнул и, почувствовав, что на него смотрят, перевел взгляд на мальчика, подмигнул ему и посмотрел на сидящую рядом молодую женщину, видимо, его маму.

Та смотрела на него.

В ее глазах было не любопытство, не интерес, а что-то совсем другое – непонятное ей самой.

Их взгляды встретились, и она почувствовала, как образовавшаяся внутри пустота стала заполняться каким-то новым нежным теплом, ласкающим каждый уголок стосковавшегося по любви тела, словно это тепло напрямую поступало из этих уставших, много чего повидавших карих глаз, обла-

датель которых тут же растерял все свои сумбурные воспоминания, сорвавшись в серо-голубую бездну напротив.

Глядя друг другу в глаза, они не испытывали никакой неловкости, а просто застыли в никому неведомом мгновении случайной встречи, способном перевернуть всю оставшуюся жизнь. Они этого не понимали, не знали и в этот момент об этом не думали. Сцепленные взглядом мужчина и женщина будто провалились в сон, в котором не надо думать и анализировать, выбирать и флиртовать, надо лишь подчиниться воле несущего сквозь нереальные фантазии видения по сцепленному взглядом воздушному мосту.

– Мама, мама! Мы сейчас выходим? – Ребенок тряс мамину руку, срывая с нее оковы сладкого гипноза.

От неожиданного возвращения в реальный мир женщина встряхнула головой.

Мост рухнул.

Мужчина заморгал и закусил губу.

– Что? – обратилась женщина к сыну. – Что ты говоришь?

– Мы сейчас выходим? – вновь спросил мальчик, покосившись на незнакомца.

Мать завертела головой, словно ожидая подсказки.

– Сказали, что следующая станция «Чертановская», – подсказал ребенок.

– А?! – мать внимательно посмотрела на сына, пытаясь понять: не врет ли он? – А-а... да-да, милый... да-да, конечно... сейчас...

Она суетливо засобиралась к выходу, проверяя зачем-то все ли пуговицы застегнуты на рубашке сына, забрала из рук машинку и убрала ее в сумочку, на всем протяжении бросая косые взгляды на мужчину. Тот, не меняя позы о чем-то напряженно думал. Женщина решила, что ему ехать дальше.

И вдруг она испугалась, что больше никогда не увидит эти глаза, не сможет узнать, что скрывается за его грустной улыбкой, не сможет ощутить тепло его рук, прикосновение его губ к своему телу, не сможет отдать ему свою нежность, обнять, приласкать, успокоить после трудной дороги, целуя прямо в душу, просто накормить ужином и напоить утром водой... Они деликатно вернутся каждый на свою планету и никогда не проснутся рядом...

Когда уже состав выкатывался на равнодушную к ее терзаниям станцию, женщина решила отбросить все условности, быстро достав из сумочки, в которую она только что убрала модель кабриолета BMW 3 серии масштабом 1/43, записную книжку с ручкой и на первом же попавшемся чистом листке написала свой номер телефона, решив перед выходом отдать мужчине. Лишь пара секунд неловкости.

Но как только двери вагона открылись мужчина тоже поднялся со своего места и вместе с ними направился к выходу. Женщина, готовая уже отдать вырванную из блокнота записку, отдернула руку, подумав, что мужчина сам решился познакомиться с ней. В голове быстро промелькнули все кокетливые уловки, уместные в данной ситуации. Она даже глу-

боко вздохнула пару раз, чтобы унять охватившее волнение.

Но, выйдя из вагона, мужчина пошел в другую сторону.

Он шел и ругал себя за то, что совсем не кстати проигрался и не смог заговорить с женщиной в чьих глазах чуть не утонул пару минут назад. Неуверенность неудачно прошедшего ночь игрока. Он не знал тогда, что не сможет забыть ее и будет искать в своих снах...

А молодая женщина с ребенком вышли на охваченную предвечерним зноем поверхность и медленно побрели в сторону своего малогабаритного убежища.

Мальчик держал маму за руку и послушно шел рядом, понуро опустив белобрысую голову.

Они шли молча, думая каждый о своем.

По лицу женщины текли редкие слезы.

В руке так и остался вырванный из блокнота листок с номером ее телефона, который она так и не отдала. Теперь одиночество ласково обнимало ее за хрупкие плечи...

– А я знаю кто это был, – вдруг прервал молчание мальчик.

– Ты о ком? – не поняла мама.

– Ну, о том дяде в метро.

Женщина остановилась, разорвала пополам клочок бумаги и достала из сумочки платок.

– Ну и кто же?

– Это был папа... Мой папа...

Люблю Тебя

Люблю тебя

Не словом

Чувствами

Душой

В осеннем шепоте

И в тишине ночной

По звуку каблуков

За чашкой кофе

За обедом

Когда с тобой

И не с тобой

Люблю

Здоровый

И больной

Навзрыд

Спокойно

С тактом

И в безумье

Зимой и летом

В полнолуние

Когда один

С друзьями

На природе

Бухой

Укуренный

И при любой погоде

Люблю тебя

Под жёлтое реле на светофоре

Красный

Забытый всеми

И опасный

Проснувшийся

Моложе

Старше

Как обычно

Когда ты не одна

Ужасно

Непривычно

Но

Я люблю тебя

Из моря

Из пустыни

И из камня

И дома

И на улице

И в сквере

В ветре

На качелях

В параллельном мире

Под солнцем

На луне

В чужой квартире

В дожде

И даже не в своей постеле

Когда вдох/выдох еле-еле

Когда карабкаюсь по скалам

Еду в Bentley

Вчера

Сегодня

И в любом моменте

В метро

На остановке

Отчужденно

Под музыку

Без звезд

Свободно

И в оковах

Простивший

Не прощенный

Благородно

Люблю тебя

И сытый

И голодный

Богатый

Нищий

Проигравшийся

Фартовый

Вернувший

Потерявший

Вновь вернувший

В маске

Настоящий

Обманувший

Обманутый

Не спящий

И заснувший

Как хам люблю тебя

И равнодушно

Чуть тише

Вдруг неистово и больно

В случайной встрече

Попрощавшись

Не обнявшись

Люблю тебя

Пронзительно

И головой об стену

Возможно сложно

И тревожно

С печалью в голосе

С улыбкою

По нотам

И снова шепотом

Дыханием

По коже

Нежно

Осторожно

Когда уже не нужно

Невозможно

Я все равно

Люблю Тебя...

Поверь

Мне можно...

При своих

Она проснулась внезапно. Так, словно сон вытолкнул её из своих оков. Словно кто-то позвал. Но вроде ничего и не снилось. Вроде... Да, нет – точно не снилось...

Она села на постель и растерянно огляделась.

Всё как обычно. Всё на своих местах. Муж спокойно спит рядом, тихо посапывая. Спальню заливают лунный свет, на-талкивающийся на преградившие его сияние предметы, тени от которых абстрактным чёрно-фиолетовым узором украсили стены и пол.

Она выскользнула из-под одеяла и, мягко ступая, чтобы не разбудить мужа, подошла к окну, возможно, надеясь там – за окном – найти ответ на внезапное своё пробуждение. Но за окном лишь луна грустно разглядывала обычную улицу обычного спального района, погруженного в ночной сон. Лишь иногда припозднившиеся автомобили нарушали тишину, шелестом шин отражаясь от серых стен одинаковых домов.

Она прошла на кухню, выпила стакан воды и закурила, снова подойдя к окну.

Она чувствовала непонятный зов внутри себя. Неясный, неразборчивый, похожий на расстроенный транзистор, вживлённый в самую голову. С пробуждением зов не толь-

ко не прекратился, а всё больше и больше усиливался. Сердце заходило в груди всё сильнее и сильнее как бывает при беспричинной тревоге.

Она заглянула в детскую спальню. Пятилетний сын, откинув как обычно одеяло, спал, свернувшись калачиком. Она потрогала на всякий случай его лоб и укрыла одеялом.

Вернувшись в кухню, включила чайник и взяла в руки телефон. Может что у родителей? К телефону подошла сестра и сонно поинтересовалась:

- Алле, кто это?
- Привет, это я.
- Ты чего? Случилось что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.